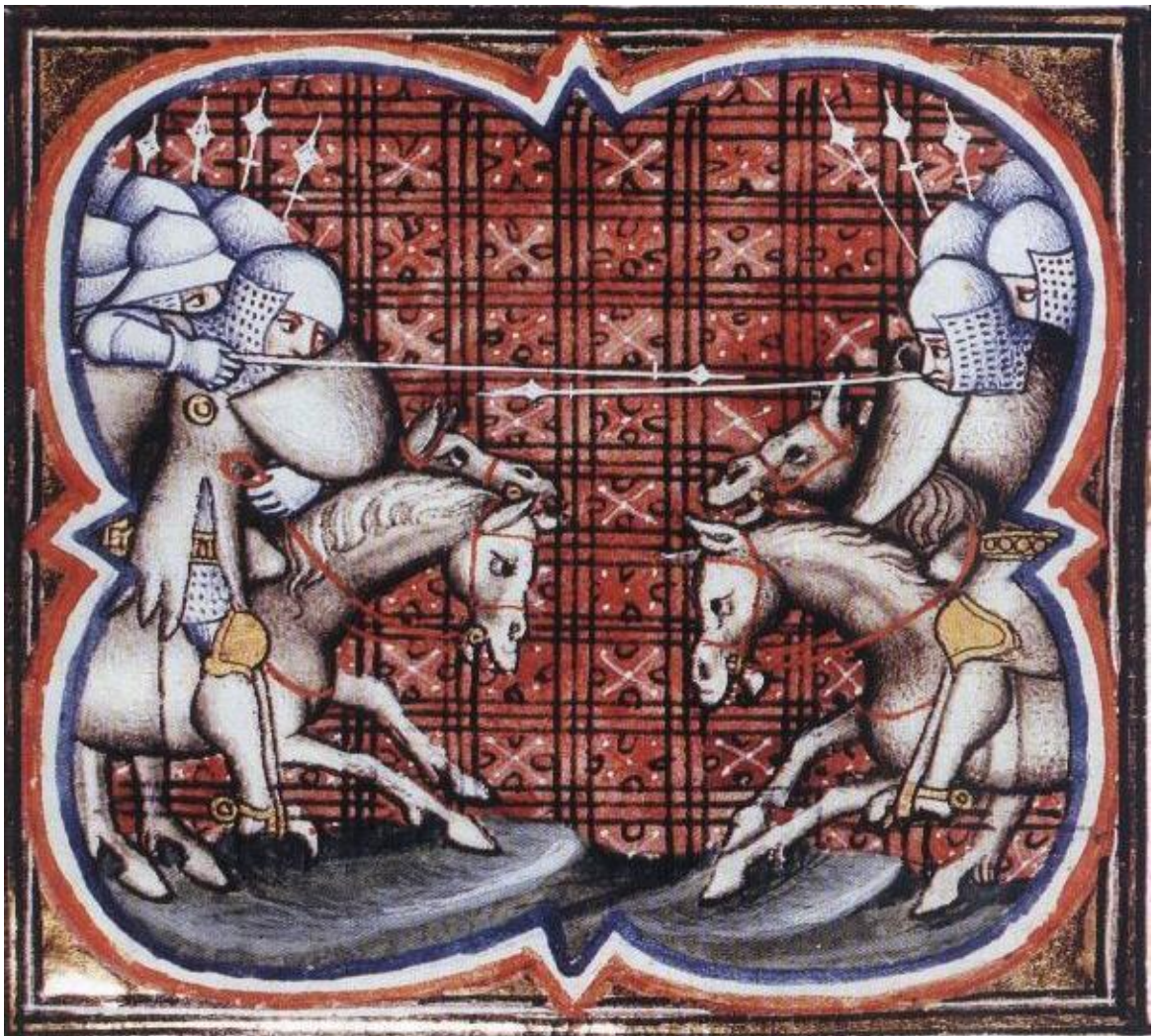

Анн Бренон
Религия катаров

перевод Н. Дульневой

журнал *Pirenees Cathares*, 2006, p. 18-25

Битва при Мюре в 1213 году, где Симон де Монфор одержал победу над Раймондом VI Тулузским и Педро II Арагонским.

Религия катаров – это средневековая форма христианства. Она противостояла «официальной» версии христианства, и с течением времени между этими двумя христианскими концепциями ширилась и углублялась пропасть: одна концепция была архаической и пацифистской, ориентированной не на этот, а на иной мир, а другая – явственно преисполнилась решимости воевать за то, чтобы на земле был установлен,

и если понадобится – силой, желанный Богу и скрепленный папской властью, порядок.

Катаризм – неподходящее слово, хотя и зафиксированное в современном употреблении, но какое еще применять? – стоит в ряду различных проявлений огромной христианской семьи. Можно рассматривать его, как одну из христианских религий, независимых от папства, как, к примеру, православие или различные протестантские конфессии – гугенотов, квакеров, англикан, лютеран или баптистов, пресвитериан или членов епископальной Церкви – с одной существенной разницей, что эта религия сегодня больше не практикуется. Это исчезнувшая религия, и ее можно разместить только в исторических рамках XI-XIV веков, то есть в расцвете Средневековья.

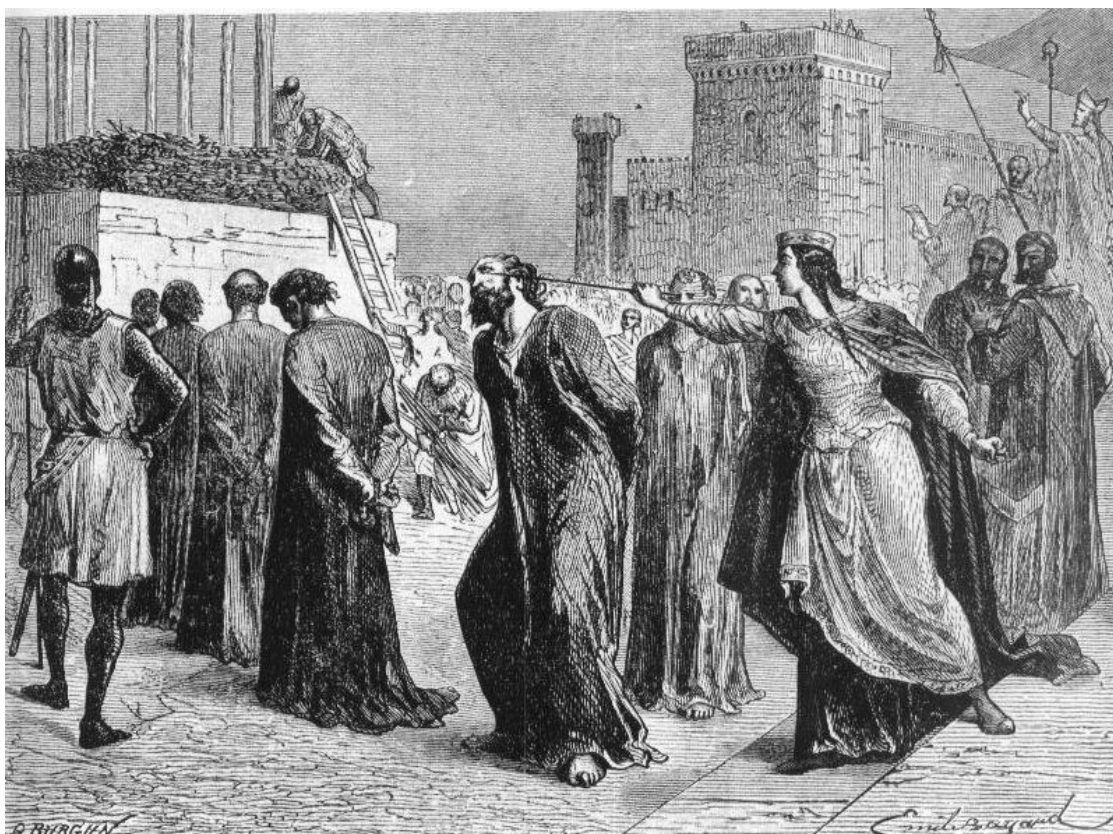
Если попытаться определить религию катаров в очень общих чертах, то это – средневековая форма христианства. Это может помочь понять, почему некоторые черты этой религиозности могут выглядеть для нас сегодня странными. Кроме того, следует помнить, что это христианское движение, исключенное, а потом уничтоженное Римом в качестве еретического, при жизни имело ряд архаических, по сравнению с основным средневековым христианством, черт. В те времена, в разгар Средневековья, катаризм представлял собой старое христианство, явно укорененное в еще более древней традиции – что, впрочем, не мешало ему иногда, в его вневременном евангелизме, предлагать воистину новаторские религиозные решения...

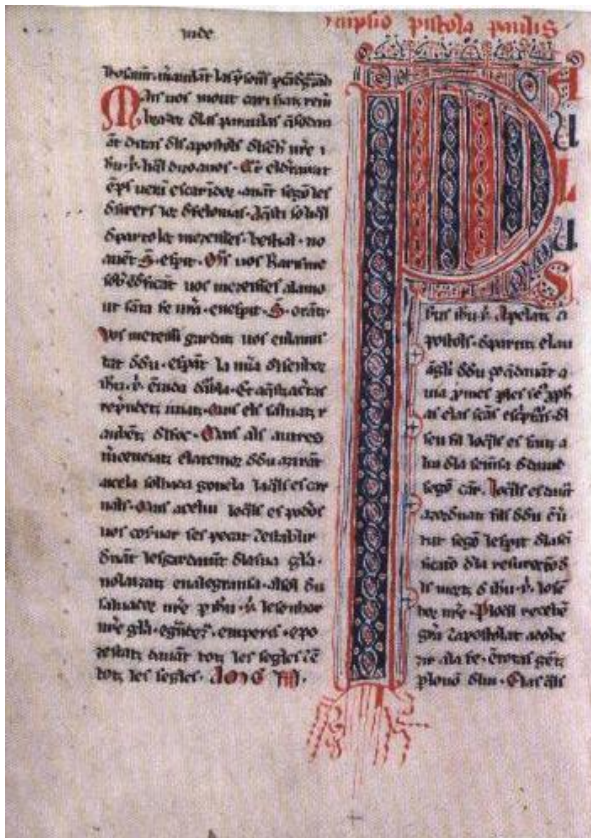
Те, кого сегодня называют катарами, были христианами, возродившими в Средневековье старую гностическую мечту первых веков – о «Царствии Божьем, которое не от мира сего». И чтобы сформулировать эту мечту, они употребляли исключительно слова канона Святого Писания. Они были и оставались средневековыми клириками, и их культура была культурой средневековых клириков.

Библейская мифология

Их молитвой было *Pater*; их священной книгой – Библия, преимущественно Новый Завет; а из Ветхого Завета они полностью отвергали Книгу Бытия. Но, как и все христиане того времени, они также пользовались апокрифом: Видением Исаяи, где повествовалось о чудесном восхождении в Царство Божье. Их рефлексии над священными текстами иногда кормились традициями греческого Отца Церкви Оригена, хорошо известными в западноевропейском Средневековье. В контексте воинственной духовности XI века, романское время было раздираемо апокалиптическим мифом о битве архангела и дракона. Именно в это время доминирующее папство эпохи Грегорианской реформы выявило врагов Божьих в этом мире и стало проповедовать священную войну – крестовый поход. А те, кого оно исключило как «еретиков», наоборот, стали рассматривать эту великую битву в метафизическом плане.

Внизу: Орлеанских еретиков ведут на костер.

Практика христианского Спасения

Слева: Новый Завет, согласно катарским обычаям, написан на языке Ок левого берега Роны

Катары противопоставляли Бога и этот мир, согласно словам евангелиста Иоанна. Они считали, что человеческие души – родом из Царства Божьего: они были ангелами Божьими, а дракон, свергнутый архангелом Михаилом, вырвал их из небесной отчизны и увлек с собой в падение. Заключенные им в одежды из шкур или телесные тюрьмы – *«тела из глины»* - души спят в *«этом мире, князем которого есть Сатана»*,

полностью забыв о своем божественном происхождении и ангельской природе. Следуя словам известного псалма, пленники этого мира тления и смерти, они *«забыли Иерусалим»*... Но вот, *грядет* спасительное искупление. Чтобы употребить те же библейские образы, что и катарские проповедники, вспомним о пастыре добром, пришедшем искать погибших овец Израилевых. Он пришел освободить народ Божий, пленников царя Вавилонского. Отец Небесный послал Своего Сына в этот мир для спасения душ, Своих детей. Таково основание катарского христианства, миссии Христа: роль пробуждения *благой вестью* Евангелия и универсального спасения крещением водой и Духом, переданным апостолам обжигающим дыханием Пятидесятницы. Катары словно хранили отзвук старинных концепций о духовной природе Христа: Сын и Посланец Божий появился в этом мире без обличения в *«тело тления»*, *«телесную тюрьму»*, слепленную князем мира сего. Он был божественным бытием. Его миссией было спасать, а не страдать и умирать на кресте. Страдания и смерть – это орудие зла. Отец Небесный, который не имеет ничего общего с этим миром, не может употреблять средства зла даже для благой цели. Благое дерево не может приносить

ничего, кроме благих плодов. Если Христос и апостолы Его были гонимы в этом мире, так это из-за князя мира сего. Но страсти Христовы были всего лишь видимостью, поскольку Его человеческий облик был только тенью, призванной скрыть божественную природу. Христос показал путь спасения в этом мире. Это «путь праведности и истины» Его Евангелия. Добро. Его Церковь, которой Он доверил власть связывать и развязывать, отпускать грехи крещением Святого Духа, Духа Утешителя – *consolament*. «Со времен апостолов, - утверждают катарские Ритуалы, - эта власть переходит от одних добрых людей к другим, до наших дней, и Церковь Божья будет иметь ее до конца времен. «Будучи крещением покаяния, *consolament* отпускает грехи и освобождает от зла, как говорит последняя строка *Pater: libera nos a malo*. И каждая утешенная душа после смерти последней «телесной тюрьмы» покидает этот мир, чтобы вернуться в небесную отчизну, оставленную ею. Ни Страшного Суда, ни вечного ада нет в катарской космогонии. «Все души, дети Божьи, созданы благими и равными между собою, и все будут спасены». Когда последний падший ангел будет освобожден от зла, этот мир, опустевший без божественного бытия, вернется к своему небытию. И тогда настанет конец мира и конец времен: единственное владение зла. Только Богу и Его Царствию принадлежит вечность.

Внизу: Согласно катарам, души спят на земле, князем которой есть Сатана.

Христианская Церковь без папы

Катары были средневековыми еретиками, считавшими, что они представляют собой истинную Церковь Христа и апостолов, через которую осуществляется Спасение Божье. Они не питали никакого доверия к Церкви Римской и не верили ни в какие божественные полномочия ее папы. Их миссией в этом мире была проповедь Евангелия и крещение Духом-Утешителем, переданное Христом. Они заявляли о том, что имеют апостольскую преемственность: потому они называли себя апостолами, христианами или бедняками Христовыми. Их верующие называли их *добрыми христианами* или *добрыми мужчинами* и *добрыми женщинами*. Их противники называли их еретиками и «катарами».

Имея определенное наследие античных времен и желая соответствовать идеалам времен апостолов, их Церкви, по-видимому, были организованы по моделям ранних Церквей. Общины *христиан* и *христианок* возглавлялись епископами, имевшими власть отпускать грехи путем крещения покаянием, и управляемые диаконами. Епископы посвящали членов общин, практикуя обряд возложения рук, имеющий черты христианского архаизма; за их столом, в память о Тайной Вечере, *добрые мужчины* и *добрые женщины* благословляли и преломляли хлеб – который для них был символом Слова Божьего, распространяемого среди людей. Это причастие без преосуществления – хлеб оставался хлебом, а не становился телом Христовым – напоминает практику *fractio panis* или агапэ, братскую трапезу первых христианских общин.

В тех европейских регионах, где соотношение сил позволило их Церквям жить в мире, в основном, в Италии и Окситании, катарские монахи организовались в женские и мужские общины, ведущие посвященную Богу жизнь, и представляющие собой настоящий клир, имеющий одновременно священнический и монашеский чин. Как монахи, они следовали обетам бедности, целомудрия и послушания, и вели общинную жизнь в суровой монашеской аскезе; но их религиозные дома открывались на улицах бургад

без всякого затвора, и они зарабатывали на жизнь трудом своих рук. Как священники, они, в том числе и женщины, проповедовали Евангелие христианскому народу – проповедовали усиленно, пользуясь переводом Писания на народный язык. Кроме того, в случае отсутствия иерархов (епископа или диакона) они сами, в том числе и женщины, могли уделить таинство Спасения.

Возможно, именно эти черты христианства близкого, выросшего в повседневную жизнь христианского народа, представляли собой наиболее новаторские характеристики старого катарского христианства в разгар Средневековья. За пятьдесят лет до нищенствующих орденов, доминиканцев и францисканцев, они не просто практиковали монастырь в городе, но также в деревне, и даже Спасение в лоне семьи. В любом случае, активное и широкое участие женщин в рядах их клира, уникальное и оригинальное в христианском контексте – даже если, кажется, ни одна *добрая женщина* не достигла епископальной иерархии,- только усиливало глубинные социальные связи.

Будучи средневековым христианством без папы и догматики, религия катаров представляла собой модель – хотя и утопическую – христианского общества, обращенного к вечному Спасению и Царствию Божьему, и не придающего никакого значения роскоши и делам мира сего. Основанное на самом пацифистском евангелизме, движимое *«устремлением к Добру»*, оно объявило Церковь Римскую лживой и злобной Церковью, «Церковью мира, заключившей пакт с миром».

Римская Церковь ответила на это наиболее непримиримым способом – она стала преследовать. Как в этом мире были преследуемы Христос и Его апостолы. Так inferнальная диалектика исключения укоренилась на столетия.

